

Издательская новинка

Глобальные кризисы, европейская война и неравномерное развитие

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Николы Капеллуто “Crisi del debito e crisi dell’ordine”.

Мервин Кинг [бывший управляющий Банка Англии] заглядывает за пределы «тумана войны» и погружается, даже в мирное время, в туман неопределённости: «*В мире радикальной неопределённости нет способа определить вероятность будущих событий. [...] Экономические отношения между деньгами, доходом, сбережениями и процентными ставками непредсказуемы несмотря на то, что они являются результатом попыток рациональных индивидов ориентироваться в неопределённом контексте*». Под “радикальной неопределённостью” Кинг и [экономист Джон] Кей подразумевают не только события, которые другие экономисты называют «чёрными лебедями», то есть «неожиданные события, которые нельзя предвидеть, пока они не произойдут», но расширяют рамки, включая в это определение всё, что, по их словам, находится между «миром маловероятных событий» и «миром невозможного», а также многое другое. Они распространяют «последствия радикальной неопределённости далеко за пределы финансовых рынков – на индивидуальные и коллективные решения, как экономические, так и политические, и на решения глобального значения, принимаемые государственными деятелями, вплоть до повседневных решений читателей этой книги».

Бывшему председателю Федеральной резервной системы Алану Гринспену было проще, когда в октябре 2008 года он признался комитету Палаты представителей в травмирующем открытии того, что система, в которую он непоколебимо верил, то есть свободная игра рыночных сил, имеет недостаток «*в модели, которую я воспринимал как критическую структуру механизма, определяющего, как устроен мир. [...] Именно поэтому я был шокирован, ведь я работал в течение сорока или более лет с очень чёткими доказательствами того, что это работало исключительно хорошо*».

В период кризиса буржуазная экономическая теория вынуждена отказываться от безграничного оптимизма и претензий на рациональность капиталистического способа производства. Она вынуждена заново открывать для себя неопределённость. Джон Мейнард Кейнс сделал это в 1936 году в одной из глав своей “Общей теории занятости, процента и денег”. Джон Кеннет Гэлбрейт посвятил этому феномену целую книгу “Эпоха неопределённости”, вышедшую между двумя нефтяными кризисами и в разгар кризиса реструктуризации 1970-х гг. Буржуазные теории неопределённости возникают из кризисов правящего класса и сочетаются с политикой государственного вмешательства в экономику и с различными вариантами государственного капитализма. Иногда, как в 1930-е годы, капитал следует этому этатистскому и протекционистскому курсу, иногда нет, например, в 1970-е годы результатом кризиса стал империалистический либеризм.

Теория всеобщей неопределённости Мервина Кинга, в которой исчезает в том числе и провиденциальная «невидимая рука» Адама Смита, выражает психологию разочарованного и дезориентированного либериста, но тезис о хаотической природе процесса служит экономисту для постулирования *невесомости кризиса*, независимо от того, вызван ли последний внешними коллизиями или может быть воспринят как отказ двигателя капитализма; марксистская же наука видит, что через хаос бесконечных «*индивидуальных и коллективных решений*» проявляются непримиримые противоречия капитала, в которых инкубируется «*историческая регулярность кризисов*»¹.

Кинг указывает в качестве первого столпа своего мировоззрения идею о том, что экономика и финансы «*не подчиняются непреложным научным законам*». Марксизм, напротив, рассматривает капиталистическое общество как живой организм, биологический процесс, подчиняющийся познаваемым законам движения, формы и динамика которого в разных регионах мира задаются разными историческими условиями. Закон *неравномерности развития* универсален и постоянно порождает дисбалансы, диспропорции и разрывы.

Маркс и Энгельс материалистически распутали отношения между «экономическим законом» и «хаосом» в капиталистическом способе производства. В письме Людвигу Кугельману Маркс утверждал: «Вульгарный экономист не имеет ни малейшего представления о том, что действительные, обиденные отношения обмена и величины стоимости не могут быть непосредственно тождественными. Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нём а priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее»².

Энгельс снова поднял эту тему более двадцати лет спустя в письме Йозефу Блоху: «[История] делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причём каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. [...] Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения»³.

Каждый период кризиса отличается от других. Рассмотрим отрезок времени начиная с конца первого десятилетия XXI века. Он начался с краха Уолл-Стрит в сентябре 2008 года и глобальной рецессии 2009 года, второе его десятилетие прошло через слабый рост в “развитых” странах, воспринятый частью представителей истеблишмента как «вековая стагнация», и весьма значительные сдвиги в отношениях держав, что на заре третьего десятилетия привело к серии крупномасштабных потрясений; в 2020 году пандемия вызвала новую, более смертоносную и всеобъемлющую глобальную рецессию, чем в 2009-м; этот катаклизм детерминировал лихорадочное вмешательство государств в экономику и, поскольку он парализовал большую часть производственного, материально-технического и административного аппарата, породил острый инфляционный кризис, не наблюдавшийся уже около сорока лет; это спровоцировало неизбежную реакцию крупных центральных банков, которые, чтобы подавить инфляцию, быстро повысили процентные ставки после многих лет нулевых ставок; в феврале 2022 года вторжение России на Украину, задуманное как лёгкое завоевание третьесортной страны, обернулось войной с десятками тысяч смертей, в которую так или иначе вмешиваются все империалистические и различные региональные державы. Война вернулась в Европу с далеко идущими последствиями: усилением инфляции, расширением государственного интервенционизма, переосмыслением отношений внутри и за пределами альянсов и всеобщей гонкой перевооружения, в то время как конфликт между Соединёнными Штатами и Китаем затягивается, а стремление старушки Европы к стратегическому суверенитету угасает. Вероятно, это период с наибольшей частотой, интенсивностью и разнообразием землетрясений за всё послевоенное время. Перевороты, которые следуют один за другим и одновременно, но в разной степени, затрагивают все метрополии империализма, знаменуют эпилог *послевоенного порядка*.

Мелкобуржуазная нетерпимость к глобализации и либеризму привела к гневной совранистской и популистской истерии, которая, став правительственной силой в Соединённом Королевстве и США, привела к пагубным последствиям, дисбалансам и вакууму власти не только в международных отношениях, но и в обычном управлении государством.

“Гуманитарные” и прокси-войны на Большом Среднем Востоке, в Средиземноморье, в Восточной Европе, в Африке и Азии стали школами протагонизма для “развивающихся” региональных держав, которые, однако, на всех широтах подкрепляют свою националистическую риторику поддержкой одного или нескольких империалистических блоков. Трения с высоким риском эскалации материализуются на морских и сухопутных границах Большого Китая, где находится стратегический центр тяжести конфликтов ближайшего будущего.

Война разорвала историческую энергетическую связь между Россией и Германией, которой удалось выдержать даже атаки рейгановской Америки на сибирский газопровод. Острое стратегическое соперничество между великими державами усугубляет *фрагментацию* отношений, регулируемых общими правилами, ставя под угрозу функциональность одного из краеугольных камней многосторонности и *Вашингтонского консенсуса* – Всемирной торговой организации (ВТО). Соединённые Штаты оказывают давление на своих союзников и собственные транснациональные корпорации, чтобы те ослабили торговые и инвестиционные отношения с Китаем, построенные за последние тридцать лет. После десятилетия поддержки другой иллюзии, либеристской, о том, что взаимозависимость экономик и народов является основой безопасности, утвердилась доктрина, согласно которой в международных отношениях *национальная безопасность* должна преобладать над *экономической эффективностью*. Просчёт Москвы на Украине (ошибка, которая хуже преступления, согласно поговорке XIX века) создал возможность параллельной экономической войны Соединённых Штатов против Германии, индустриального двигателя Европы, с намерением лишить её дешёвого российского газа в разгар энергетического перехода, а также против Китая с целью задушить его рынок сбыта и инвестиций, то есть унилатералистской экономической войны против главного атлантистского партнёра и конкурента в старушке Европе и против находящегося на подъёме соперника в лице азиатского гиганта.

В этом цикле периоды *тупика* “развитых” экономик чередовались с неуверенным восстановлением, кратковременным ускорением и длительным спадом. *Глобализация* торговли и потоков капитала испытывала замедления и неудачи. Даже в большей степени, чем во время нефтяных потрясений 1970-х годов, самые “богатые” страны, купающиеся в роскоши метрополии, возможно, достигли осознания того, что они больше не застрахованы от крупных экономических, санитарных и военных кризисов. Запуск вместе с Парижскими климатическими соглашениями 2015 года нового многолетнего цикла колоссальных инвестиций во имя борьбы с климатическим кризисом лишь обострил империалистическую конкуренцию. Эту конкурентную борьбу метрополии ведут путём протекционистских субсидий внутри своих национальных производств и охоты за сырьём, металлами и минералами, необходимыми для энергетической реструктуризации и электрификации транспорта, на мировом рынке. Военные перевороты, которые один за другим следуют в Африке, направлены на новый передел ренты от добычи полезных ископаемых.

В определённой степени мы видим воспроизведение некоторых черт цикла реструктуризации 1970-х гг., обозначенных Арриго Черветто: «[Всё] *более хаотическое, асимметричное, непропорциональное развитие как всего капиталистического цикла, так и его составляющих*», которое «*всё больше дробится во внезапных поворотах и замедлениях на свои различные компоненты*»⁴. Но преднамеренные и непреднамеренные результаты этих двух циклов противоположны: в результате борьбы за реструктуризацию 1970-х гг., особенно в Германии, возник либеристский импульс, который в течение полутора десятилетий укрепил Европу, демонтировал государственно-капиталистические системы в её восточной части, объединил Германию, инициировал создание Экономического и валютного союза и запустил ракету восхождения Китая; в текущем же цикле падения в рецессию стали глубже, а кризисы возродили унилатерализм США и вызвали появление некоторых протекционистских тенденций, связанных не столько с классическими тарифными барьерами, сколько с преференциальными двусторонними или многосторонними соглашениями, запретами на экспорт высоких технологий, сырьё или инвестиции в конкурирующие страны; протекционистскими мерами, учитывающими географическое происхождение компонентов, технических стандартов; распространением дискриминационных субсидий на собственные отрасли и потребителей. Укрепляется тенденция к образованию *блоков* между “дружественными” странами.

Миграционные движения, порождённые конфликтами, гражданскими войнами, подавленными восстаниями, распадом архаичных социальных форм, засухой и продовольственными кризисами, уже не являются сезонными, а становятся долговременным явлением, которые сотрясают рынки труда – как в странах-реципиентах, так и в странах-донорах – и не прекращаются, несмотря на цинизм правительств, которые хотели бы подвергнуть их испытанию морями или пустынями.

В попытках смягчить разрушительные последствия кризиса и вновь запустить двигатели инвестиций или положить конец электоральным восстаниям собственнических прослоек были накоплены долги, исчисляемые триллионами долларов. После тридцати лет либеризма и стремления к *«минимальному государству»* вновь возникает призрак нового *большого правительства*, нового государственного капитализма, который приветствует просьбы о защите, стремится мобилизовать денежный капитал, напуганный серией кризисов, и пытается оседлать цикл промышленной политики, нацеленной на переход к *«чистой энергетике»*, электрическую моторизацию, цифровизацию производственных процессов и государственного управления. Небрежно говорится о *реиндустриализации*, но в истории капитализма настоящие реиндустриализации наблюдались только после разрушительных крупных войн. Украинская война уже направляет большую часть нового интервенцизма государств на перевооружение, в то время как обществу ежедневно внушается воинственная риторика *«защиты родины»* или *«справедливой войны»*.

За последние пятнадцать лет замедление темпов роста было резким и неравномерным. По данным МВФ, средние темпы роста ВВП по паритету покупательной способности (ППС) за весь рассматриваемый период (2008–2022 гг.) составили 3,1 % в год, что более чем на 1 процентный пункт ниже среднего темпа роста ВВП (4,2 %) за предыдущее десятилетие (1998–2007 гг.). При пересчёте по постоянным обменным курсам, проведённом Всемирным банком, эти два показателя снижаются до 2,6 и 3,6 % соответственно. В *«развитых»* странах в эти два периода среднегодовые темпы роста ВВП по ППС составили 1,4 и 2,7 % соответственно; в *«развивающихся»* странах – 4,5 и 5,8 %. В обеих группах рост экономик замедлился, но в *«развитых»* странах примерно на половину, а в *«развивающихся»* – на четверть.

Во время длительного спада одним из проявлений неопределённости в старых метрополиях стали частые колебания прогнозов между рецессией и восстановлением экономики. Когда в годы, последовавшие за финансовым кризисом, долговой кризис продлил упадок сил *«развитых»* экономик, особенно в Европе, некоторые экономисты полагали, что их темпы роста окончательно снизились с 3 до 2 %. Так, летом 2011 года Билл Гросс, основатель финансовой группы Pimco, указал на *«патовую ситуацию»*, которая, как он считал, выдаёт *«неспособность буржуазии вести себя в соответствии с исторической капиталистической моделью»*. Кеннет Рогофф в то время считал, что определение кризиса как *«великой рецессии»* неверно, и утверждал, что это был *«второй великий спад»* капитализма, сравнимый с депрессией 1930-х годов. Нарастала тревога по поводу неминуемого скатывания к дефляции в японском стиле, *«японизации»* Запада. Это были тезисы, которые предвосхитили теорию *«вековой стагнации»*, сформулированную Ларри Саммерсом в 2013 году, и проиллюстрировали состояние умов в среде буржуазии, занятой в тот момент, как и во многие последующие, взыванием к субсидиям и протекционизму. Идеологический кризис либеризма серьёзно препятствовал новым инвестициям и поддерживал *«предпочтение ликвидности»*, представленной депозитами на триллионы долларов коммерческих и инвестиционных банков и запертой в сейфах центральных банков. Более далеко идущим тогда казалось наблюдение лауреата Нобелевской премии по экономике Майкла Спенса: он рассматривал темпы роста *«развитых»* стран, снизившиеся до 1,5 %, как результат *«векового процесса»* их конвергенции с *«развивающимися»* странами, которые продвигались вверх по цепочке создания стоимости, приобретая продукцию с высокой добавленной стоимостью, в *«постоянном, необратимом»* изменении. [...]

Такое сочетание асимметрии и взаимозависимости было провидением для западных экономик. После рецессии 2009 года и из-за резкого снижения внутреннего спроса в *«развитых»* странах *«развивающиеся»* экономики не смогли поддерживать темпы экспорта, но консолидировали свои внутренние рынки и, прежде всего, сохраняли их открытыми, отдавая предпочтение экспорту из *«развитых»* стран. Это основная причина, почему рецессия в западных метрополиях привела не к депрессии, которой опасались, а к замедлению экономического роста. Решающую роль *«развивающихся»* стран подтверждают некоторые цифры.

В период с 2008 по 2014 год внутриевропейская торговля не увеличилась, но Европа продемонстрировала рост экспорта в остальной мир (+4,5 %), прежде всего благодаря росту экспорта в Азию (+41 %), обусловленному в основном увеличением экспорта в Китай (+92 %). Экспорт США в Европу и Японию стагнирует; с другой стороны, их экспорт в Северную Америку увеличился, прежде всего, благодаря увеличению импорта Мексики (+59 %), *младшего партнёра* по соглашению НАФТА, а экспорт в Азию вырос на 33 %, благодаря открытию Китая (+77 %). Империалистический либеризм в годы кризиса поддерживался “развивающимися” странами.

Неравномерное империалистическое развитие привело к эпохальному изменению пропорций экономического баланса сил и политического баланса между государствами. По данным МВФ, в 1998 году на “развитые” страны приходилось 57 % ВМП по ППС, а на “развивающиеся” страны – 43 %. В 2022 году пропорция перевернулась: эти доли составили соответственно 42 и 58 %. По данным базы данных МВФ, “развивающиеся” страны обогнали “развитые” в начале 2008 года; по версии статистических отчётов “*World Economic Outlook*” – в 2013-ом. Эта деталь имеет значение при оценке относительного веса либеристского курса, с одной стороны, и шока глобального кризиса, приведшего к ускорению Азии, с другой.

Согласно версии, которая господствует в США и набирает силу в Европе, «*наивный либеризм*» Запада предоставил чрезмерные преимущества восходящему китайскому гиганту. На самом деле в истории последней четверти XX века мы наблюдали сочетание либеризма и кризиса. Либеристские линии монетаризма и политики предложения (*supply side*) были результатом кризиса реструктуризации и кризиса кейнсианства. Либеристская стратегия *Вашингтонского консенсуса* сформировалась во время распада Восточной Европы и СССР и была решительно реализована во время азиатского кризиса 1997–1998 годов. Это был не *наивный либеризм*, а жажда живой прибавочной стоимости. Путь для стратегии империалистического либеризма проложили относительный упадок Соединённых Штатов и прогрессирующее опустение оболочки социал-демократического реформизма.

Либеризм, несомненно, ускорил восхождение новых держав. Между 1980 и 1991 годами их доля в ВМП оставалась на уровне 37 %; в следующие семь лет она выросла до 43 %, и они не остановились на достигнутом. За три года, на которые мы ссылаемся (1998, 2008, 2022), доля США в ВМП по ППС упала с 20,2 до 17,5 и 15,6 %; Европейский союз следовал за Америкой в этом движении назад, упав с 20,5 до 17,4 и 14,9 %; Китай занял первое место, поднявшись с 6,7 до 11,4 и 18,5 %. За первые двадцать лет XXI века он обогнал одну за другой все старые метрополии (Великобританию, Германию, Японию, Европу и США), набрав 12 процентных пунктов ВМП, что соответствует трём четвертям совокупного роста всех “развивающихся” экономик.

Торговый баланс сил в целом следовал за траекторией роста ВМП. По данным ВТО, доля Европейского союза (27 стран), являющегося ведущим мировым экспортёром, в мировой торговле сократилась (в стоимостном выражении и за вычетом внутриевропейского экспорта) с 18,8 % в 1998 г. до 15,8 % в 2008-ом и 13,2 % в 2022 г., уступив первое место Китаю, доля которого скачкообразно выросла с 4,6 до 11,8, и 17,8 % соответственно. Для США этот показатель упал с 16,4 % в 1999 году до 10,6 % в 2008-м, а затем затормозил падение до 10,1 % в 2022 году.

Новые пропорции являются беспрецедентными с точки зрения размера и скорости движения и подчёркивают недостаточность такого определения, как «*развивающиеся страны*». Изменение баланса сил имеет гораздо большее значение, чем просто экономическое, – оно политическое и стратегическое. “Развивающиеся” экономики способствуют утверждению многополярности и высказывают претензии на то, чтобы сделать Бреттон-Вудские учреждения многосторонними. Как мы писали с начала 2000-х годов, в Китае развились все характеристики империализма, указанные Лениным, и именно эта страна является абсолютным протагонистом наблюдаемых изменений. Двенадцать “развивающихся” экономик, включённых в Большую двадцатку наряду с державами Большой семёрки, теперь полностью *всплыли на поверхность* в качестве средних капиталистических или региональных держав. Некоторые стремятся повысить свой статус, присоединяясь к коалициям, например, Саудовская Аравия, которая расширила ОПЕК до партнёрства с Россией в рамках ОПЕК+; другие, такие как Австралия или Южная Корея,

становятся частью стратегических коалиций под руководством США в Тихом океане; Турция пытается играть связующую роль между НАТО, Россией и Украиной и вмешивалась военными средствами в недавние крупнейшие конфликты в Средиземноморье. Саммит БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) в этом году призвал к увеличению веса квот этих стран в МВФ, предоставлению им большей роли в руководстве Бреттон-Вудскими институтами и включению Бразилии, Индии и Южной Африки в Совет безопасности ООН. Требование *«восстановить первостепенную роль квот в МВФ»*, похоже, означает претензию на отмену или ограничение права вето США. БРИКС хочет стать точкой опоры для других “развивающихся” стран. Аргентина, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ присоединятся к БРИКС с января следующего года, а Бангладеш, Египет и ОАЭ уже приняты в качестве новых членов банка группы инфраструктурного финансирования – Нового банка развития (НБР).

Октябрь 2023 г.

---

¹ - Черветто А. Унитарный империализм. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 519.

² - Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 461.

³ - Там же. Т. 37. С. 395, 396.

⁴ - Черветто А. Указ соч. С. 521.